

Сергей ГАРМАШ:

Окончание. Начало на стр. 1

– А в театр вы не ходили?

– Нет. Только со школой на какую-нибудь сказку. Но стихи с двух прочтений выучивал, и мне это нравилось. Мой дядя часто стихи читал, и я их знал наизусть. По русскому и литературе я всегда хорошо учился, но был очень неуравновешенным ребенком. Делал всякие пакости учителям, меня выгоняли из восьмого класса, родителей просили забрать в другую школу. Мама понимала, что меня надо «вывести в люди», и купила мне справочник для поступающих в средние учебные заведения Украины. Мы жили в Херсоне, я занимался парусным спортом и хотел поступать в мореходку. А мама считала, что туда я не поступлю, потому что там физика и математика. Я думал – может, в другой город поехать, где есть мореходка, но не такой большой конкурс, как в Херсоне? Вдруг открываю справочник и натываюсь на Днепропетровское театральное училище. И я, совершенно не задумываясь, сказал маме: «Вот это я понимаю, вот сюда бы я поступил».

– И поступили?

– Не знаю, что пришло маме в голову, наверное, это была материнская интуиция, но именно она отвезла туда мои документы, а не я сам. Я тогда был на соревнованиях. В приемной комиссии засмеялись: «Тетенька-диспетчер, мы принимаем документы только после личного собеседования». Но документы все же приняли, минуя первую отборочную консультацию. Когда я вернулся с соревнований, оставалось пять дней до экзаменов. Я стал повторять общеобразовательные предметы. А как приехали с отцом в Днепропетровск, в день первого экзамена выяснили, что сдавать нужно актерское мастерство. Стихотворение, басня, проза. Папа позеленел от ужаса. Я вспомнил стихотворение из школьной программы. Взял у кого-то басню и выучил. Папа спрашивает: а проза? Я знал наизусть некоторые миниатюры Райкина, потому что страшно их любил и часто слушал – у нас дома была целая коробка пластинок. И на экзамене, подражая голосу Райкина, стал рассказывать про случай с официантом. Комиссия пришла в ужас: «Вы что читаете?!».

– «Прозу». – «Да вы вообще готовились к экзамену?!» Я, до ужаса обнаглев, сделал морду кирпичом: «Готовился». Потом тупо и громко прочитал стихотворение Исаковского. Мне говорят: «Ну, смотри, если явишься на третий с таким же репертуаром – не примем». Я вернулся домой, выучил какой-то отрывок из Чехова, стихотворение Есенина. И поступил.

Вот так я и начал заниматься этим страшным делом. Поступить-то поступил, но сам не понимал, зачем. И в училище не понимали, хотели меня выгнать. И только на втором курсе, когда мы стали делать драматические отрывки, меня что-то зацепило и потащило. А на третьем курсе я уже ездил в Москву и понимал, что я хочу учиться дальше.

– Сергей, я запомнил вас с фильма Евгения Цымбала «Повесть непогашенной луны», где вы на разрыв души сыграли красноармейца, который униженно просит Фрунзе помочь ему с жильем, и при этом напоминает ему, как они топили пленных. А командарму это уже как ножом по горлу. Помните ту роль?

– Конечно. Из-за встречи с Цымбалом. Помню, тогда гремел его фильм «Защитник Седов». В повести Пильняка этой сцены нет. Цымбал, кажется, нашел ее где-то в документах и вставил. Действительно страшная и драматическая сцена, притом абсолютно правдивая. Я потом интересовался. Фрунзе действительно приказал утопить две баржи пленных белых офицеров. А потом и с ним так же поступили, причем не белые, а свои же.